

В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ АРХИТЕКТУРЫ РОССИИ

Попова Дарья Леонидовна

*Доцент кафедры «Архитектура и строительство зданий»,
Тамбовский государственный технический университет, Тамбов*

АННОТАЦИЯ

Психологический опыт адаптации к природным условиям рассматривается как фактор формирования региональной специфики архитектуры.

ABSTRACT

Psychological experience of adaptation to natural conditions is considered as a factor of formation of regional specificity of architecture.

Ключевые слова: современная архитектура, истоки, региональные черты

Keywords: modern architecture, origins, regional features.

Вопрос уяснения региональной специфики российской архитектуры раскрывает для зодчих перспективы создания национальной архитектурной школы и в этой связи определяется как актуальный вектор научных исследований. С постановкой вопроса формирования архитектурного облика современной России интерес представляют работы отечественных мастеров разных периодов, которые традиционно отождествляются с национальной идеей. Среди лидеров в архитектуре, задающих художественную тональность и предъявивших принципиально «наше» в новейшей истории называют чаще всего фамилии архитекторов русского авангарда К. Мельникова и И. Леонидова.

Об авангарде говорят, одновременно, и как о разрыве с традицией, и ее продолжении. Отказ отразился в неприятии классической формы, продолжение – в попытке вернуться к некоторому началу, естеству «праформ». Художник, по образному представлению Н. Бердяева, «хочет добраться до скелета вещей, до твердых форм, скрытых за размягченными покровами». Этот «скелет», по-видимому, и должен стать основой для построения архитектурного образа современной России.

Действительно, с возвращением к корням, истокам (известному ранее, но забытому, утраченному) связано большинство художественных стилей, направлений: Ренессанс, готика, классицизм. При этом каждое новое возвращение не стало повторением пройденного, а расширением имеющегося опыта с обретением новых степеней свободы, его переосмыслением с учетом возникших возможностей.

К.С. Мельников был среди тех, кто решительно перешагнул портал «черного квадрата». Нацеливаясь за горизонты фантазии в разработке собственного жилого дома, его проектирование он начал традиционно с определения рационального положения исходной точки – очага, как центра жизненного пространства, вокруг которого впоследствии развернулись все необходимые функции [2, с. 163]. Примечательно, что так действовал веками человек степи. Можно предположить, что опыт, хранящийся в геномах памяти, актуализировался и

послужил основой развития новой идеи. В известной работе К. Мельникова нашли отражение и другие приметы «кочевой» культуры. Закономерным представляется построение круглой (компактной, энергосберегающей) формы плана. Пространство дома трактуется как универсальное, монофункциональное, неразделенное. В решении ромбических проемов окон просматриваются черты орнамента, напоминающего каркас юранги (традиционного жилища кочевника). Форма проемов в проекте К. Мельникова также возникла в ситуации экономии строительного материала. Эту идею современники назвали беспринципной, а конструкции самого дома – неудачными. Действительно, используемый способ устройства проемов невозможно рассматривать как оригинальный шаг в развитии каменного строительства, скорее это был выход в пространство интуитивного знания, что в свете рассматриваемой проблемы представляется более ценным.

В других работах архитектора наблюдаются аналогичные проникновения. Описание знаменитого «красного» павильона, спроектированного для выставки в Париже, как временного, быстровозводимого на территории в «высшей степени неудобной для строительства» из подручных, доступных материалов, главным из которых стало дерево, листы фанеры, подходит и для древних «праформ». Сам принцип сборки объекта, основанный на акцентировании способов сопряжения планшетных элементов (конструктивных стыков), верхний свет, сконструированный «без стекла и без дождя» так, что «дневной свет свободно проникал с различных углов лучами», чуткость и хрупкость контура, обтягивающего каркас и вечная тема пути, проходящего диагональю. При этом образ павильона представился уникальным, новаторским, отличным от всего того, что было построено ранее.

Опыт возвращения к истокам обнаруживается и в творчестве И. Леонидова [1]. Для его работ характерны изобретательность, динамика форм, широкий спектр задействованных материалов, гибкость пространств, высокая степень абстракции образов. Проект института им. В.И. Ленина, где

воплотились указанные принципы, принято считать творческим открытием, произведением, которое имеет значение вехи в развитии архитектуры, одним из высших достижений не только в творчестве мастера, но и всей мировой архитектуры XX века. Революционной в данном случае стала сама композиция простых, чистых форм: шар, опирающийся на одну точку, вертикально поставленный параллелепипед, закрепленный на растяжках, и конструктивное решение объемов (ванты, шарнирное крепление основания фундамента шара, пространственные металлические фермы для уменьшения толщины стен и защиты их от ветровых нагрузок и т.д.). В изобретенной И. Леонидовым сжатой растянутой конструкции усматривается опыт закрепления вертикали на равнинной местности.

Прямые аналогии с известными архетипами обнаруживаются и в шатровых композициях мастера из серии образов «Город Солнца». «В чистом виде это вантовое покрытие без какой-либо детализации..., однако, вполне возможно сохранение общего шатрового силуэта даже в том случае, если силуэт «шатра» будет «собираться» из автономных горизонтальных или вертикальных элементов» [1, с. 313], как это сделал И. Леонидов, адаптировав одну из древнейших форм (праформ) в решении высотного здания.

Историки определяют авангард как «второй суперстиль» после классики, основанный на «глубоком уровне проникновения в интуицию» [1, с. 265]. Интуиция невозможна без некоторой опоры. Для архитекторов авангарда, по-видимому, такой опорой стали древние модели поведения социума на конкретной территории, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры. Это уводит дальнейшие размышления в русло выявления психологического опыта построения (конструирования) рукотворной среды с выявлением его специфики на конкретных территориях.

Интересным представляется мнение П.Н. Милюкова, который в известном труде «Очерки по истории русской культуры» акцентировал внимание на корреляции исторических процессов и факторов среды и ввел в научный оборот понятие «месторазвитие» [2, с. 66]: «Применение идеи местоположения к изучению начала культуры оказалось удачным эвристическим методом, давшим некоторые плоды». В интересующем нас вопросе эта идея позволила обнаружить некоторые универсалии, важные для понимания региональной специфики архитектуры. «Пристальное изучение детского искусства может открыть нам многое из самой сути художественного творчества», - справедливо заметил А. Бенуа.

Возможные способы развития места с учетом природно-климатических условий в самом крупном обобщении сводятся к двум формам, определяемым оседлым и кочевым образами жизни. Такая классификация встречается во многих научных источниках, прежде всего археологических. Наиболее эффективным методом изучения выступает сопоставление культурных традиций (сравнительный анализ).

Специалист по истории Центральной Азии Д. Синор, обобщая представления о существующем порядке нашего мира, утвердившемся в археологии, культурологии, истории, говорит о системе противостоящих друг другу и вместе с тем взаимозависимых позиций человека и окружающего его мира: «цивилизованный» и «варвар». При этом понятие «варвар» трактуется как «менее удачливый брат человека цивилизованного». В других случаях это взаимодействие раскрывается через понятия «классик» - «кочевник», «мы» - «непонятные нам» (Дж. Вазари о готах и их чуждой архитектуре), «пещерное» - «мобильное» (об искусстве). В Библии есть такие слова: «И взойдите на гору, и посмотрите землю ... и народ, живущий на ней. И каковы города, в которых он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях? И какова земля? Есть ли на ней дерева или нет?».

Оседлый образ жизни определяется такими категориями, как устойчивость проживания, «привязка» к конкретному месту, наличие материалов для создания укрытия, их долговечность (камень), мягкий климат, разнообразие ресурсов. Условия формирования опыта кочевой культуры иные: отсутствие связи с местом, значительные расстояния, контрасты климата, недолговечность материалов, ограниченность, скудность ресурсов, незащищенность и другие.

Учитывая факты истории и природно-климатические особенности, истоки культуры центра России следует ассоциировать с опытом «кочевника». П.Н. Милюков говорит о преобладающей роли степи в древнейшей период русской истории. Вопрос бытования народности рассматривается в промежуточном положении между двумя враждебными мирами кочевой степи на востоке и чуждого ему мира запада («борьба леса со степью составляет главное содержание русской истории»). «Явление, которое должно нас интересовать: роль кочевников в степях южной России», - пишет П.Н. Милюков, оперируя понятием «кочевой характер населения степи». «Северные тюрки, сохранившие свой быт, дали все те волны кочевников, которые одна за другой покрывали русскую степь» [2, с. 291]. Аналогичные мысли высказывал в свое время Н. Карамзин в известном труде «Истории государства Российского»: «Может быть, самый нынешний характер россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством монголов...» [1, с. 213].

В отличие от классической цивилизации, следов кочевых культур осталось немного. Это усложняет задачу описания опыта. В этой ситуации представляется обоснованным использовать материалы исследований, опирающихся на археологические находки, исторические данные, лингвистические, этнографические и антропологические материалы (работы М. Ростовцева, М. Эберта, В. Миллера и других), а также «искать черты быта кочевников там, где он описан сравнительно подробно – в древних памятниках исторической эпохи (монгольских и арабских источниках, относящихся ко времени, предшествовавшему возвышению Чингис – хана» [2, с. 367].

Известно, что законы кочевничества характеризовались неподвижностью и неизменяемостью быта и действовали в течение многих столетий, вплоть до настоящего времени. Еще одна особенность - высокая степень сходства в жизненном укладе разных народностей. Это позволило сформулировать и обосновать некоторый генетический код архитектуры и рукотворной среды в целом, соответствующий опыту «человека степей»: сборность («срубная») культура русских степей), мобильность, портативность (быстровозводимость), подвижность, учет сезонного использования и возможности осуществлять ремонт. В пространственных решениях - сохранение взаимосвязи с ландшафтом, опыт работы «с чистого листа», условность границ, свободная геометрия и организация пространства (гибкость, универсальность). В трактовке форм - условность, индивидуальность, совмещение несовместимого, акцент на выразительных характеристиках, зачастую в ущерб функции, предпочтение шатровых форм, «повышенная» функциональность.

Приемы, характеризующее пространство: укрытое, встроенное, без жестких границ - очерченный контур с предпочтением формы круга. Кон-

струкция – трансформируемая, выявляющая структуру. Оболочка с функцией ограждения - «мягкая», независимая, многослойная (принцип матрешки), легкозаменяемая - объект повышенного внимания. Образ – заимствованный, своеобразный гибрид («трофеи» истории). Фасад – декорация. Материал оболочки недолговечный, разнообразный – все, что может оказаться под рукой.

Некоторые из названных выше приемов и принципов могут быть трансформированы в актуальные архитектурные решения, ставящие целью предъявление национального образа в современном зодчестве, находящемся в поисках своей идентичности.

Список литературы:

1. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5–8. М.: АСТ; Астрель, 2008. 761 с.
2. Милуков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.1. М.: Прогресс. 1993. 528 с.
3. Хан – Магомедов С. О. Иван Леонидов. М.: Фонд «Русский авангард». 2010. 368 с.
4. Хан – Магомедов, С. О. Константин Мельников. М.: «Архитектура – С». 2007. 296 с.

ОПЫТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА АКТОВЫХ ЗАЛОВ В ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЕ ВУЗА.

Сошина Анна Геннадьевна

Соискатель, Московский архитектурный институт (Государственная Академия), МАРХИ. Москва.

Статья посвящена вопросам расположения актовых залов в планировочной системе вузов, решенных единым компактным корпусом, развитым комплексом с павильонной системой застройки и отдельностоящего актового зала крупного вузовского комплекса. Освещается период советского времени, где возникают совершенно новые объемно-пространственные решения всего институтского корпуса, активно прорабатывается архитектурно-планировочная схема и форма актового зала, улучшаются функциональные связи актовых залов с другими группами помещений.

Ключевые слова: актовый зал, планировочная структура, вуз, учебный корпус, институт.

EXPERIENCE OF DESIGN AND CONSTRUCTION OF ACTUAL HALLS IN THE PLANNING STRUCTURE OF THE UNIVERSITY.

The article is devoted to the location of assembly halls in the planning system of universities, solved by a single compact body, a developed complex with a pavilion system of building and a separate assembly hall of a large university complex. The Soviet period is covered in the period when completely new spatial and spatial decisions of the entire institute are emerging, the architectural and planning scheme and form of the assembly hall are being actively studied, and the functional links of the assembly halls with other groups of rooms are improving.

Keywords: assembly hall, planning structure, university, educational building, institute.

В течение продолжительного времени, распространенным и весьма характерным приемом решения вузов с небольшим контингентом студентов (до 2000 чел.), являлось размещения всех групп помещений в одном компактном корпусе небольшой ширины (15 - 16 метров).

Уже с первых университетов и институтов России учебное заведение решалось одним протяженным корпусом, в центре или крыльях которого размещался вестибюль и фойе, связанные между собой парадной лестницей, что объединяло группу зала в общественный комплекс [1].

Длительное использование схемы компактного вуза было оправдано, так как она соответствовала небольшому контингенту студентов института и ограниченными конструктивными возможностями (кирпичной стены). Именно при этой системе застройки возник традиционный тип зала с прямоугольным планом и горизонтальным полом и потолком, легко увязывающийся с архитектурно-конструктивной сеткой и этажами учебного корпуса. Высота корпуса обычно ограничивалась четырьмя этажами, а все помещения, требующие больших пролетов, размещались на верхних этажах. Актовый зал чаще всего располагался на втором-третьем